

Декабря 2 (15)

Священномученик
Константин (Некрасов)

Священномученик Константин родился 15 октября 1872 года в городе Можайске Московской губернии в семье псаломщика Никиты Некрасова. В 1887 году Константин окончил духовное училище, а в 1893 году – Вифанскую Духовную семинарию. Женится, впоследствии у них с женой Александрой Петровной родилось четверо детей. Константин Никитич был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Можайска и через некоторое время назначен настоятелем Никольского собора и одним из благочинных епархии. Отец Константин был одним из деятельнейших священников епархии, он организовал в Можайске Общество трезвости и постоянно вел работу среди крестьян, делая все, чтобы они исцелились от пагубной страсти винопития, и для этого неустанно открывал им духовные сокровища Церкви, питающие душу «живою водою».

В 1923 году, во время гонений на Русскую Православную Церковь от безбожных властей, священник был арестован за активную церковную деятельность и приговорен к двум годам ссылки в город Березов Тобольской губернии.

Вернувшись из ссылки, отец Константин стал служить в храме Покрова Божией Матери в селе Алексино Рузского района. 9 мая 1930 года сотруднику ОГПУ Малькову один из доносителей сообщил, что «в селе Алексино имеется в настоящее время сильная группа церковников, в результате антисоветской работы которой мероприятия советской власти проходят с трудом...

Эта группа состоит из попа Константина Некрасова, лет пятидесяти, в селе Алексино живет 3-4 года, приехал в село прямо из ссылки, в каковую был сослан за антисоветскую деятельность; дьякона Знаменского Семена Ивановича, сорока лет; жены умершего попа Александры Ивановны Розановой, пятидесяти пяти лет, служит сейчас дьячком; монашки Бородинского монастыря Можайского района Прасковьи Романовны Жуковой, сорока лет, из крестьян села Алексино; монашки Анны Осиповой из Дубровского монастыря; церковного старосты Семена Дмитриевича Грязнова, семидесяти лет, имеет зажиточное сельское хозяйство».

13 и 14 августа следователь допросил некоторых жителей села Алексино, из тех, кто враждебно относился к Церкви, начав с председателя сельсовета и члена коммунистической партии Бирюлькина, причем он был допрошен в один день дважды.

Сначала он показал: «В селе Алексино проживает монашка Прасковья Жукова, которая с малолетства была в Бородинском монастыре и в Алексино переехала года два тому назад. В настоящее время она является сторожем церкви и лишена избирательных прав. Жукова имеет огромное влияние на женщин села Алексино, многие ходят к ней в дом. Во время хлебозаготовок в 1929 году Жукова была одной из активных участниц срыва таковых; приходившим к ней женщинам она говорила, что советская власть вас обирает, а вы плохо относитесь к религии, надо не слушать лиц, которые к вам приезжают, так как они все врут и возьмут у вас все, что есть. С попом Некрасовым она имеет тесное знакомство, они устраивают чаепития, приглашая некоторых верующих... В июле Жукова после молебна от засухи среди женщин говорила, что “вот помолились, и

стал дождь, кроме Бога никто вам не даст дождя, ни колхозы, ни советы". Жукова ведет систематическую агитацию вместе с попом Некрасовым, и село Алексино поэтому считается самым реакционным селом».

На втором допросе он показал: «В селе Алексино, которое я обслуживаю как председатель сельского совета, существует группа духовенства, которая своей работой и агитацией всячески противодействует мероприятиям советской власти... В ноябре 1929 года поп Некрасов в один из праздников призывал верующих "держаться религии и не слушать слуг антихристовых"... Во время коллективизации Некрасов собирал у себя нелегальные собрания. На одном из таких собраний в феврале Некрасов говорил присутствующим, что "в колхоз приходится идти, когда загоняют силой, там будут держать на пайке и морить голодом"... С трудом организованный колхоз вскоре же развалился, благодаря агитации церковников. У верующих Некрасов слывет священником, который говорит трогательные проповеди... Когда на духовенство наложили порядочно налога, Некрасов говорил, что "советская власть совсем нас хочет ограбить", и ездил жаловаться в Москву, это было в апреле или в мае сего года».

Была допрошена учительница школы в селе Алексино Тищенко, бывшая одновременно секретарем местного союза безбожников. Она показала: «Некрасов очень часто говорит проповеди, мне несколько женщин рассказывали, что Некрасов говорит очень трогательные проповеди. Так, в июле Некрасов говорил проповедь, в которой указывал на страдания Христа и далее говорил, что "народ сейчас также страдает, его прижимают слуги антихристовы, берут непосильные подати; придет такое время, что опять восторжествует вера Христова и слуги антихристовы будут уничтожены". В нашем селе вследствие такой агитации плохо проходят мероприятия советской власти.

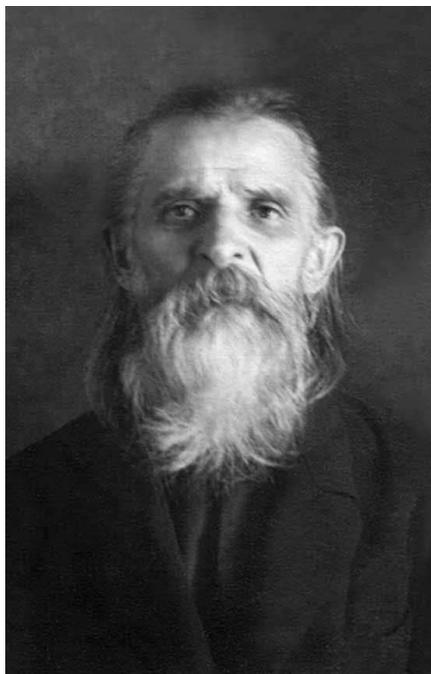
Большая группа крестьян, имеющая связь с Некрасовым, всегда защищает интересы духовенства, им общество под влиянием попа Некрасова и зажиточной верхушки деревни отпускает покос; так, крестьяне скосили около школы участок покоса и не дали его на нужды школы, а попам дали около школы. При этом некоторые зажиточные говорили, что учителям что и даст советская власть, а священникам, кроме того, что платить налог, ничего не дают. Вместе с тем Афанасьев и Грязнов, церковные старосты, говорили, что таких учителей надо убрать, так как они защищают власть и идут против духовенства. Грязнов и Афанасьев имеют тесное знакомство с Некрасовым. Кроме того, с Некрасовым дружит Иван Князев, середняк, который выручает Некрасова продуктами и прислуживает в церкви. Иван Князев выступает против мероприятий советской власти, на собрании Князев говорил, что учителя мешают нам, они нападают на духовенство, их нужно убрать. Весной этого года указанные лица ходили по деревне с подписным листом, в котором было требование убрать секретаря союза безбожников учителя Тищенко».

Основываясь на подобного рода показаниях, сотрудник ОГПУ Мальков 20 августа 1930 года арестовал священника Константина Некрасова и монахиню Параскеву Жукову, которые были заключены в камеры при Рузском отделе ОГПУ.

В тот же день был допрошен еще один свидетель, продавец местного магазина, который сказал: «Поп Некрасов в марте в проповеди с амвона говорил: "Православные, приходят последние времена. На нас теперь гонения, как на Христа. Над нами издеваются. Крестьян обобрали налогами и тягают в колхозы".

Жукова, обходя крестьян, агитировала, чтобы последние не ходили на собрание. Некрасов является вдохновителем этой агитации. Многие верующие

обращаются за советами к попу Некрасову, так как последний пользуется большим авторитетом. Так, например, во время засухи в июне на вопрос крестьянина, почему нет дождя, Некрасов ответил: “Теперь мы отбились от Бога, слушаемся приезжих безбожников, а потому Бог на нас рассердился. Если мы и впредь будем так делать, то у нас получатся вторые Содом и Гоморра”.

*Священник Константин Некрасов
Москва. Тюрма НКВД. 1937*

После этого среди населения пошли разговоры о том, что надо служить молебн, а то дождя не будет. В пасмурную погоду был отслужен молебен, после молебна на второй день пошел дождь, так как во время молебна были тучи. После этого дождя монашка Жукова в воскресный день говорила: “Вот видите, Бог нам всегда поможет, нам только чистосердечно надо ему помолиться”.

Жукова очень тесно связана с попом Некрасовым, по протекции которого она была принята церковным сторожем. С этого времени в сторожке ежедневно стали собираться женщины, но о чем они там говорили, я не знаю, так как там я не был, но неоднократно замечал, как оттуда выходили заплаканные женщины; одна крестьянка, разговорившись со мной, сказала, что Жукова им рассказывала о Страшном Суде».

На следующий день после ареста священника следователь допросил его и отец Константин сказал: «Проживая в селе Алексино, я никакой антисоветской деятельностью не занимался. Если говорят, что я в своих проповедях призывал граждан не подчиняться распоряжениям существующей власти и власть как таковую считал “властью антихриста”, – это не верно. Я не настолько глуп, чтобы говорить в своих проповедях такую грубую чушь. Кроме того, я, как искренне верующий, всякую власть признаю властью от Бога, поэтому агитировать против нее – это равносильно тому, что идти против воли Божией.

Кроме того, я никогда не жил богато, и стремиться к какой-то лучшей жизни не в моих интересах, тем более, что я бескорыстен и желаю только нравственного и духовного мира. Правда, я говорил проповеди, но всегда старался говорить только слово Божие, стараясь научить верующих любви и миру.

Что я могу сказать в свое оправдание? Говорят, что я проводил работу антисоветского характера, чем якобы срывал хлебозаготовку. Но какое мне дело до хлебозаготовок? Это дело общественное. Говорят, что я имею авторитет среди граждан; может быть, это и правда, но ведь мой авторитет держится не на том, что я иду против власти, а потому, что я поступаю как истинный христианин. Разве в этом есть какое-либо преступление против законов власти и человечества?

Если несколько человек говорят против меня, я думаю, что больше найдется таких, которые подтвердят мою невиновность. Я не против того, чтобы власть наказывала меня как преступника, но если я не виновен, то считаю, что будет мало целесообразно, если я буду сидеть за решеткой или выслан, как мученик. Вот и все, что я могу сказать по существу выставленных против меня обвинений в контрреволюционной деятельности».

Служившая в церкви сторожем Параскева Жукова, будучи допрошена, отвергла все предъявленные ей обвинения.

23 апреля следствие было закончено; священник в протокол об окончании следствия попросил записать: «По существу предъявленного мне обвинения виновным себя не признаю. В оправдание себя прошу допросить верующих, которые, надеюсь, подтвердят, что я никогда противозаконными делами не занимался. Все материалы считаю ложными, и исходят они от тех лиц, которые желают меня убрать из села Алексино».

После этого отец Константин попытался передать близким на волю записку, в которой, в частности, писал: «Ступайте сейчас в ГПУ и просите у уполномоченного Малькова разрешения на свидание, он мне говорил, что разрешит, тогда и поговорим. Если же почему-либо не удастся видеться, то знайте, что следственное дело окончено, обвиняюсь в агитации против советской власти, в срыве собраний, будто бы был против коллективизации и хлебозаготовок. Все это ложь, и есть надежда, что она обнаружится. Конечно, хорошо было бы, если бы в скором времени сами верующие с подписями подали бы письмо, так как все знают, что я никакого участия в общественных делах не принимал и против власти ничего и в уме-то не имею. Но да будет воля Божия! Если задержусь, то необходимо мне денег (10-15 рублей), мочалку, мыло, карандаш и бумагу».

Тогда же он написал заявление в Коллегию ОГПУ, в котором писал: «23 августа уполномоченным ОГПУ Мальковым было мне объявлено постановление – обвинение меня по статье 58, пункт 10. Из прочитанного выяснилось, что обвинение основано на доносе неизвестных мне лиц, и все положительно ложно. Чтобы положить настоящее правильное определение по возникшему делу, необходимо проверить данные показания, а посему покорнейше прошу опросить лиц, кои всегда видели мои деяния и слышали все мои слова (причт, соседей и всех верующих моего прихода). И, удостоверившись в ложности доноса, поставить на вид доносителям, чтобы они впредь не утруждали власти своей клеветой, а сообщали бы одни действительные факты. Служа в Алексинском приходе всего три года, я никакого слова и дела против советской власти не проявил, а между тем еще осенью минувшего года слышал слова местных комсомольцев, что “одного священника убрали, а этого-то в два счета уберем, стоит только написать – нам все поверят”. И вот кто-то и написал. Но я надеюсь, что власти не подвергнут себя обману и установят истину. Если же мое дальнейшее пребывание в Алексинском приходе кому-то не желательно, то я, не подвергаясь невинному мученичеству, согласен оставить службу

приходского священника в селе Алексино и, по выходе на свободу, буду просить епархиальную власть уволить меня за штат с правом совершения литургии в одном из храмов города Можайска. Что же касается Прасковьи Жуковой, обвиняемой вместе со мной, то я утверждаю, что никакого общего дела между нами не было, видал ее лишь при исполнении обязанности церковного сторожа и никак не могу предположить, чтобы она, безграмотная, малоразвитая женщина-крестьянка, имела какие-то злостные намерения против советской власти. Она всем обеспечена и довольна и ни к коллективизации, ни к хлебозаготовкам отношения никакого не имеет и к агитации не способна, но если что-либо я бы услышал, то я непременно остановил бы ее, так как я отлично сознаю, что не дело церковников вмешиваться в общественные и политические дела».

Заявление это не было передано начальству ОГПУ, а присоединено следователем к делу. 25 сентября 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан, которую он был отправлен отбывать в Семипалатинск.

По окончании ссылки отец Константин приехал в Можайск и был назначен служить в храм Илии Пророка. 5 декабря 1937 года священник был вновь арестован и заключен в тюрьму в городе Можайске. Через день состоялся допрос.

– Признаете ли вы вождя народа, товарища Сталина? – спросил следователь.

– Признаю как гениального вождя всего народа, – ответил священник.

– Сознательно или не сознательно вы на отрывном календаре от 21 декабря 1937 года нанесли химическими чернилами цифру 8 на лице вождя народа товарища Сталина?

– Я писал числа старого стиля для церковных праздников механически и совершенно не заметил, как поставил цифру 8 на изображении Сталина.

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности со стороны служителей культа?

– О контрреволюционной деятельности духовенства мне не известно.

– Какую вы проводили и проводите контрреволюционную деятельность?

– Я не проводил ее и не провожу.

В тот же день был допрошен в качестве свидетеля диакон храма святых праведных Иоакима и Анны Петр Соколов.

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности Некрасова? – спросил его следователь.

– Контрреволюционной деятельности со стороны Некрасова я не замечал, но помню один случай, когда Некрасов был организатором Общества трезвости, то есть отвлекал крестьян от употребления водки и вел религиозную работу с ними на предмет привлечения к церкви. Некрасов после ссылки за антисоветскую агитацию все же церкви не бросил и служит в данный момент священником Ильинской церкви.

На следующий день было составлено обвинительное заключение, где были изложены обвинения против священника, заключающиеся, в частности, в том, что он проводил большую работу «по сколачиванию церковного актива, для этой ели им был организован хор из бывших монашек и активных церковников... При обыске у Некрасова обнаружен листок календаря с портретом товарища Сталина, лицо которого Некрасов запачкал чернилами, чего и сам Некрасов при допросе не отрицает. Это действие Некрасова еще раз подтверждает его враждебное отношение к советской власти и руководителям партии».

9 декабря тройка НКВД приговорила отца Константина к расстрелу. Священник Константин Некрасов был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Декабрь»
Тверь, 2004 год, стр. 24-34.

Библиография

ГАРФ. Ф. 10035, д. П546694, д. 19623.

А.Ю. Дубинский. Вифанская Духовная семинария. М., 2002.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 203-209.